

Владивосток
Дальнаука
2010

Монография

ТРАНСГРАНИЧНЫЙ РЕГИОН ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ, ФОРМА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Дальневосточное отделение
Тихоокеанский институт географии

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса

ББК 66.4
УДК 327(571.6)
Т 65

Рецензенты: **А.М. Медведева**, д-р ист. наук, профессор
(Владивостокский государственный
университет экономики и сервиса);
С.К. Песцов, д-р полит. наук
(Дальневосточный государственный
технический университет);
В.А. Осипов, д-р экон. наук, профессор
(Владивостокский государственный
университет экономики и сервиса)

ТРАНСГРАНИЧНЫЙ РЕГИОН: ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ, ФОРМА
Т 65 [Текст]: монография / науч. ред.: д. чл. РАН, профессор
П.Я. Бакланов; д-р полит. наук, профессор М.Ю. Шинков-
ский. – Владивосток: Дальнаука, 2010. – 276 с.

ISBN 978-5-8044-1075-0

Исследуется феномен трансграничного взаимодействия как в теоретическом плане, так и с точки зрения реальной исторической практики в истории мировой политики и в условиях современного развития применительно к региону Северо-Восточной Азии и российского Дальнего Востока. Исследование ведётся в рамках междисциплинарной парадигмы с привлечением методов и материалов географической, исторической, политической и философской науки на основе применения системного метода. Особое внимание уделено развитию трансграничных регионов в условиях глобализации, обосновывается адекватность применения термина «глокализация».

Книга будет интересна политологам, географам и историкам, занимающимся вопросами геополитики, политической географии и регионоведения, а также широкому кругу читателей.

ББК 66.4

Ключевые слова: глобализация, глокализация, геополитическое исследование, лимология, политико-территориальные процессы, трансграничный регион, трансграничное взаимодействие, геополитические интересы, Дальний Восток, Северо-Восточная Азия.

ISBN 978-5-8044-1075-0

© Владивостокский
государственный университет
экономики и сервиса, 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ (<i>Шинковский М.Ю.</i>).....	3
Глава 1. ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ТРАНСГРАНИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ В ИЗУЧЕНИИ, МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ, МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ОСНОВАНИЯ	13
1.1. Трансграничность в академической традиции: дискуссии, точки зрения, позиции (<i>Бакланов П.Я.</i>).....	14
1.2. Трансграничность с точки зрения политической науки (<i>Зыков А.А., Шинковский М.Ю.</i>).....	25
1.3. Географические традиции в изучении феномена трансграничности (<i>Ганзей С.С.</i>).....	41
1.4. Исторический подход в изучении трансграничности (<i>Фролова Я.А.</i>).....	60
1.5. Региональные исследования политического аспекта трансграничности (<i>Шинковский М.Ю.</i>).....	86
Глава 2. ТРАНСГРАНИЧНЫЙ РЕГИОН КАК ОБЪЕКТ СИСТЕМНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	93
2.1. Условия, предпосылки и факторы районообразования (<i>Бакланов П.Я., Ганзей С.С.</i>).....	94
2.2. Регион как форма трансграничности (<i>Волынчук А.Б., Фролова Я.А.</i>).....	115
2.3. Политэкономия трансграничного региона (<i>Волынчук А.Б.</i>).....	130
2.4. Геополитика и геоэкономика трансграничности (<i>Романов М.Т.</i>).....	140

1.4. ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ ТРАНСГРАНИЧНОСТИ

Ни одно из региональных исследований не может претендовать на достоверность, не опираясь на обзор исторической динамики той структурной конструкции, которая легла в основу выделения определённой территории. Это заложено в принципе рассмотрения политических явлений в исторической ретроспективе, т.к. каждый элемент существующей ныне территориально-политической структуры берёт своё начало в прошлом.

Уклонение от выполнения этого условия открывает возможности для произвольного толкования известных фактов, субъективизма в их подборе, не позволяя видеть за событиями самой территории как пространственной основы их зарождения, протекания и результатов проявления.

Процесс взаимодействия пространства и общества имеет многоплановую сущность. Её основу составляют традиционные вопросы социума, связанные в первую очередь с преодолением барьерных свойств территорий и/или акваторий. Помимо этого требуют разрешения проблемы оптимизации системы расселения населения и рационального размещения элементов хозяйства. Особое место в этом ряду занимают вопросы, освещающие закономерности исторического развития различного рода территориально-политических систем. Именно они способны раскрыть различные аспекты процесса взаимодействия человека и пространства.

Количественные и качественные параметры той или иной территории всегда (особенно на ранних этапах развития) оказывают существенное влияние на формирование и последующее функционирование государственной территории. В свою очередь, и само государство как высшая форма организации общества видоизменяет пространство благодаря появлению новых технических и экономических возможностей.

Для человека, живущего в современном мире, окружающее пространство представляется неизменным и стабильным, а любые

резкие перемены в нем воспринимаются на уровне катастрофы вселенского масштаба. Но меняется всё, и те изменения, которые лавинные потоки накапливаются и пространством, не становятся сразу очевидными. Они проявляются постепенно, и чтобы их зафиксировать, необходимо не только изучить селения, но и состояние процесса, но и выявить все его основные этапы становления.

Очень часто всякого рода трансформации, прежде чем стать доступными для изучения исследователя, проходят многие периоды развития. Поэтому любые явления, регистрируемые нами в настоящем, кроме пространственных, имеют и временные характеристики. В результате чего их рассмотрение должно опираться на совокупность достоверной информационной базы, которая призвана обеспечить их самостоятельность и упорядочить в системе временных координат. Создание такой базы достигается за счет анализа большого массива фактологического материала⁷⁰. Все сказанное в полной мере относится к вопросам политико-географической организации пространства.

Полномасштабный анализ политических и в большей степени геополитических проблем настоящего времени требует изучения природной обстановки периода возникновения процесса и последующих пространственно-временных изменений территориях систем.

Комплексный сопряженный историко-географический анализ природных, политических и социально-экономических процессов способствует установлению тех ограничений, которые может накладывать геопространство на развитие государственного органа, становление комплекса его геополитических идей.

Первостепенное значение в познании исторического процесса развития и изменения территориях политико-географических систем имеет политическая география. Ее задача — изучить пространство организацию политической стороны жизни общества и территориальных сочетаний политический сил, которые складываются в результате комбинационного воздействия на них различных факторов⁷¹.

⁷⁰ Политическая деятельность является непрерывным атрибутом исторического бытия человеческого общества. Перспективный проблемный анализ имеет место в работах Ж. Атави, Г. Киссенджер, И. Лакоста, А. Мэхана, Н. Спикмена, Ф. Фукуямы, П. Хантингтона, К. Шмита, Зб. Бжезинского, А.Г. Дугина, А.С. Панарина, К.Э. Сорокина, К.С. Ладжиева.

⁷¹ Ковосов В.А. Политическая география сегодня. М.: Знание, 1985. 480 с.

Примечательно, что эта формулировка не адресуется исключительно к настоящему времени, что вполне логично, ведь политическая деятельность является неперенным атрибутом всей истории человеческого общества. И каждое её проявление, в том числе и территориального порядка, берёт своё начало в прошлом.

Для определения объекта исследования исторической политической географии вполне подходит сформулированное В.А. Колосовым и Н.С. Мироненко понятие о геополитическом пространстве как о форме бытия политических феноменов и политико-географических объектов, их сосуществования, соразмерности, взаимного расположения, взаимодействия⁷². С одной стороны, в нём заложена основополагающая для всех геополитических изысканий категория пространства, вне которой они объективно немислимы. С другой – содержится хронологический аспект бытия. Следовательно, оно может быть взято за основу искомого определения за счёт необходимого в данном случае усиления звучания ретроспективной ориентации.

В результате, объектом исследования исторической политической географии являются ушедшие в прошлое, но поддающиеся восстановлению исторические состояния пространства – как в целом, за всё время его территориального развития, так и на избранных по каким-либо причинам для рассмотрения хронологических отрезках.

Предметное содержание исследований политической историко-географической направленности как нельзя лучше определено в конце XIX века С.М. Середониным, который чётко обрисовал основной круг задач подобных изысканий: «...распространение славянских племен по Восточноевропейской равнине, затем – образование русского народа... Она определяет границы Русского государства в разные этапы его существования, а также – границы составляющих частей государства... указывает местоположение пунктов, замечательных в историческом отношении... а равно и направления путей колонизационных, торгово-промышленных и военных. Наконец, она изучает народности, с которыми приходилось сталкиваться русскому племени»⁷³.

Взяв за основу высказывание С.М. Середонина и несколько его изменив применительно к современному состоянию теоретико-методологической базы науки, предложим следующий пере-

⁷² Колосов В.А. Геополитика и политическая география / В.А. Колосов, Н.С. Мироненко. М.: Аспект пресс, 2002. 479 с.

⁷³ См.: Жекулин В.С. Историческая география. Предмет и методы. Л.: Наука, 1982. 224 с.

чень задач, составляющих суть исторического (петроспективного) подхода:

- изучение динамики пространственно-временной локализации исторических сил на панете;

- реконструкция и анализ повитической карты мира как промежуточного этапа взаимодействия и фиксированного баланса сил на глобальном и/или региональном уровнях, относительно кон-

кретного исторического периода;

- установление характера взаимодействия развивающихся терри-

ториально-повитических образований, в том числе и транспран-

ных, как в отдельном историческом срезе, так и во всей эволюци-

онной цепочке геоповитических трансформаций - от первого со-

прикосновения пространственных интересов до современного со-

стояния повитических отношений;

- исследование качественных изменений в геоповитическом

положении отдельных субъектов повитической деятельности;

- поиск закономерностей и переменных факторов в становле-

нии и развитии внутренней территориально-повитической струк-

туры государства;

- определение степени взаимосообразности развития повитических процессов и направленности экономического развития

общества, связанного с заселением и хозяйственным освоением

новых терриорий;

- выявление специфических в историко-повитическом отно-

шении мест, не имеющих оптимальной материнской значимости, но

играющих роль своеобразных центров духовной (сакральной) жиз-

ни конкретных этносов⁷⁴.

Исторический подход, относясь к ряду важнейших в общей

монекватуре методов научного познания, позволяет выявить за-

кономерности и тенденции развития какого-либо явления или про-

цесса; осветить процесс развития и изменения ситуации; восстано-

вить ватально осветить те или иные события⁷⁵.

⁷⁴ Каждый из перечисленных тезисов является естественным, необ-
ходимым и вполне применимым элементом для исследования терриорий,
в том числе и транснациональных.

⁷⁵ Так, например, петроспективный анализ повитических процессов
позволяет, опираясь на прошлый опыт, оптимизировать использование
геоповитического и военного потенциала терриории. Применение исто-

рических примеров имеет то преимущество, что они всегда привлекают

понятную мысль к практической жизни. Кроме того, используя этот

способ, можно сослаться на исторические факты, чтобы подтвердить на-

личие того или иного процесса, явления.

В отличие от методов, используемых науками, которые изучают современность, исторический анализ занят выявлением преемственности различных территориальных данностей и рассмотрением формирования отличий между ними⁷⁶. Но поскольку «внутри» геопространства данный процесс протекает для разных территориальных систем неравномерно, следует согласиться с мнением Н.Н. Баранского и В.К. Яцунского, считавших, что выполнение этой задачи оказывается возможным только с помощью создания ясного представления о периодичности каждого из отдельных видов перемен в географической среде⁷⁷. Опыт, накопленный в этой сфере, показывает, что, рассматривая при этом объективные качественные и количественные характеристики явлений или процессов, представляется возможным проследить их изменения. Более того, изучение исторического опыта позволяет ответить на уже поставленные практикой вопросы и избежать новых ошибок.

Присутствие в геопространстве разнополярных центров силы, в конечном итоге, структурируют само пространство таким образом, что прохождение государственных границ стран точно соответствует пределу распространения их силовых полей и возникновению трансграничных территорий (районов)⁷⁸. В результате, эти территории, наделённые особым геополитическим статусом, сводят барьерную функцию границы до формального состояния. Она не исчезает и не меняет своей конфигурации, а лишь становится ментальной.

Реконструкция и анализ политической карты мира (региона), характеризующие соотношение сил в переломных точках истории всего человечества или отдельных народов, также представляются актуальными направлениями исторического подхода.

⁷⁶ Белов М.И. Проблемы изучения историко-географической среды // Известия ВГО. 1976. № 6. С. 512–515; Дуденко С.В. Исторические аспекты обживания территории // Историко-географические исследования Южной Сибири / отв. ред. В.В. Воробьёв, В.В. Рюмин. Иркутск: Изд-во ИГ СО АН СССР, 1991. С. 142–145; Рюмин В.В. Пространственно-временной подход к истории и преобразования ландшафтов Азии // Историко-географическое ландшафтоведение: теоретические проблемы и региональные исследования / отв. ред. Л.Б. Вампилова. Петрозаводск: Изд-во КГПИ, 1991. С. 146–148; Февр Л. Бои за историю. М.: Мысль, 1991. 629 с.

⁷⁷ Баранский Н.Н. Избранные труды. Научные принципы географии. М.: Мысль, 1980. 239 с.; Яцунский В.К. Историческая география как научная дисциплина // Вопросы географии. 1950. № 20. С. 38–39.

⁷⁸ Моро-Дефарж Ф. Введение в геополитику. М.: Изд-во «Конкорд», 1996. 152 с.

Действительно, все остальные изучаемые им вопросы оказываются так или иначе связаны со стремлением разграничить субъектов геополитической деятельности «исправить» в свою пользу уже сложившуюся общую пространственную картину распределения межгосударственного господства на земной поверхности. Следовательно, политическая карта мира на каждый исторический момент зримо аккумулирует в себе все предыдущие попытки осуществления (с тем или иным успехом) упомянутые намерения.

Динамика изменений количественных параметров государств в одной территории стран, а также причины этих изменений всегда вызывают особый интерес исследователей. Такую страну к аналогии данной проблематики можно отнести тем, что многие учёные направляют соотносят размеры удерживаемой государством территории с уровнем жизнеспособности определённого геополитического субъекта. При этом все её варианты могут быть сведены к следующим типам:

– статичный – характеризуется сравнительной неизменностью территории страны с момента образования и по настоящее время. Присущ небольшим числу государств – либо очень малым, либо где не ирравшим сколь-нибудь заметной роли в мировой политике (Андорра, Монако, Сан-Марино, Лихтенштейн), либо некоторым крупным и относительно крупным, но относительно молодым в удачных периферийных секторах Океана (Индия, Австралия, Новая Зеландия);

– устойчивого роста, при котором территория страны с момента возникновения и за всё время её существования только увеличивалась. Этот тип свойствен немногим относительно молодым государствам Западного полушария (США, Бразилия, Аргентина, Чили);

– устойчивого сокращения, когда значительная государственная территория переживала только уменьшение. Просеживается в основном на примере стран, образовавшихся в XIX веке в Западном полушарии (Мексика, Колумбия, Эквадор, Боливия);

– параболный – характерен для значительного числа государств. Их территория вначале переживала устойчивый рост, который затем, пройдя пиковую стадию, сменялся не менее устойчивым сокращением (Турция, Швеция). Этот тип имеет особую разновидность, при которой уменьшение размеров страны происходит в её полное и безвозвратное исчезновение с политической карты мира (многие государства Древнего Востока, Римская империя);

– плавящийся – наиболее распространённый тип, при котором территория стран через разные промежутки времени попеременно и неравномерно расширяется-сокращается (Франция,

Германия, Россия). Также имеет разновидность, когда отрицательные фазы пространственной пульсации государства достигают крайней точки и приводят к его исчезновению с карты. Но затем, в отличие от предыдущего типа, следует его возрождение (Израиль, Польша, Чехия, Венгрия, Грузия). Причём в отдельных случаях это явление может повторяться несколько раз (Литва, Болгария, Армения, Иран);

– неопределённый – объединяет государства, молодость суверенитета которых не позволяет относить их ни к одному из перечисленных типов. Включает в себя большинство ставших независимыми после второй мировой войны стран Африки, Карибского бассейна, Океании⁷⁹.

Геополитическое положение является важнейшей «переменной» исторического анализа. Очевидным является тот факт, что данная категория изменчива во времени и сильно зависит от динамики внутренних и внешних факторов. Причём эти факторы не обязательно будут относиться к разряду территориально-политических явлений.

На изменения качества геополитического положения значительное влияние оказывают социально-экономические, политические, идеологические и др. процессы внутригосударственной, региональной и международной жизни. История изобилует примерами того, как «хорошая» или «плохая» внешняя граница в течение длительного времени решающим образом влияла на все стороны территориально-политического бытия того или иного государства⁸⁰.

Существенным представляется изучение внутригосударственной территориально-политической проблематики, которая сочетает в себе рассмотрение сразу нескольких граней. Так, целостность страны часто зависит от проявлений на разной почве эндогенных политических противоречий. Каждое из которых потенциально может либо «взорвать» государство изнутри, обусловив его распад, либо ослабить его, сделав добычей соседей.

Большой интерес представляет рассмотрение перемен в территориально-административном устройстве стран, которые достаточно чётко высвечивают особенности их политической жизни в то

⁷⁹ Волинчук А.Б. Россия в Приамурье: геополитические интересы или экономическая необходимость: монография. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2009. С. 42–43.

⁸⁰ Крайне трудно недооценить многовековое соседство Руси с «Диким полем», являвшимся для неё источником постоянно реализуемой угрозы вторжений. Точно так же, как и соседство Китая с эпицентром постоянного зарождения кочевничьих нашествий в Центральной Азии именовали «проклятьем Поднебесной».

81 В этой связи достаточно вспомнить переписку административно-территориального деления России после Гражданской войны и интервенции в 1922 году.

82 То есть, однако, начавшись, освоение не прекращается. Оно может протекать с той или иной интенсивностью, в том или ином направлении.

Можно определить еще одну характеристику процесса освоения: освоение — это процесс комплексный, так как осваивается территория с характерным для нее комплексом ресурсов и условий. И то и другое в равной степени определяет темп развития потенци-

ментов. Для данного процесса характерна непрерывность во времени⁸².
 Таким образом, освоение территории всегда являет собой включение новых пашадей в территориально-политическую и экономическую систему страны, создание новых структурных элементов.

Такие процессы, освоение территории всегда являет собой включение новых пашадей в территориально-политическую и экономическую систему страны, создание новых структурных элементов. Для данного процесса характерна непрерывность во времени⁸².

Можно определить еще одну характеристику процесса освоения: освоение — это процесс комплексный, так как осваивается территория с характерным для нее комплексом ресурсов и условий. И то и другое в равной степени определяет темп развития потенци-

ментов. Для данного процесса характерна непрерывность во времени⁸².
 Таким образом, освоение территории всегда являет собой включение новых пашадей в территориально-политическую и экономическую систему страны, создание новых структурных элементов.

Такие процессы, освоение территории всегда являет собой включение новых пашадей в территориально-политическую и экономическую систему страны, создание новых структурных элементов.

Такие процессы, освоение территории всегда являет собой включение новых пашадей в территориально-политическую и экономическую систему страны, создание новых структурных элементов.

Такие процессы, освоение территории всегда являет собой включение новых пашадей в территориально-политическую и экономическую систему страны, создание новых структурных элементов.

Такие процессы, освоение территории всегда являет собой включение новых пашадей в территориально-политическую и экономическую систему страны, создание новых структурных элементов.

Геоэкономические основы исследования трансграничности...

циала новых территорий. Поэтому ход освоенческих процессов достаточно точно указывает либо на стремление государства укрепить своё присутствие в пределах какого-то сектора земной поверхности, либо подготовить плацдарм для дальнейшего пространственного роста на вполне определённом геостратегическом направлении. А это, в конечном итоге, и отражает доктринальную сторону территориальной политики любой страны⁸³.

Завершая рассуждения о содержательном наполнении всех перечисленных аспектов, заметим, что государства являются не единственными носителями геополитической активности.

В такой же степени она относится и к:

- разным формам догосударственной организации социумов – племенным и межплеменным конфедерациям, которые до раннего Бронзового «века» были единственными носителями территориально-политической деятельности. В ряде регионов (Северная и Южная Америка, Новая Зеландия, Новая Гвинея) они осуществляли её и гораздо позже – до конца XIX века;

- некоторым формально не суверенным образованиям, которые, тем не менее, имели легитимное право на проведение самостоятельной территориальной политики. Вопреки ожиданию, их набор оказывается достаточно обширным и включает в себя сатрапии древних империй Востока, феодальные сеньории Средневековья, британские доминионы;

- внегосударственным организациям в том случае, если те как-либо осуществляли территориально-политическую деятельность – партиям, конфессиональным объединениям, некоторым специально создававшимся торговым компаниям (типа Ост-Индской Британской, Гудзонова залива, Русско-Американской и т.д.), транснациональным корпорациям⁸⁴.

Следует заметить, что помимо важности пространства как вместительности разнообразных природных и др. ресурсов или его особо выгодного положения (геополитического, экономического) ценность территорий зачастую определяется нематериальными факторами. Речь идёт о тех участках геопространства, которые, символизируют собой историческую славу отдельной страны, социума, этноса.

⁸³ На это, к примеру, указывали те энергичные меры по заселению и освоению Дальнего Востока, которые предпринимались Российской Империей в конце XIX и в начале XX вв. и позже Советским Союзом в 30–70-е гг. XX в.

⁸⁴ Шинковский М.Ю. Геополитическое развитие Северной Пацифики (опыт системного анализа): монография / М.Ю. Шинковский, В.Г. Шведов, А.Б. Волынчук. Владивосток: Дальнаука, 2007. С. 65.

В основном к ним относятся места, имеющие особое символическое значение: культовые объекты, поля сражений, места географических первооткрытий, обнаруженных судьями-политическими декларациями, возведения грандиозных оборонительных сооружений, погребения выдающихся деятелей политики, массовых захоронений, связанных с теми или иными политическими событиями. Однако многие подобные территории были и остаются предметом притязаний сразу нескольких государств. Это одно из следствий бурных исторических событий⁸⁵.

После подробного разбора предметного содержания сущности исторического (петроэологического) анализа целесообразно раскрыть суть методологических директив, которые определяют все без исключения формы его применения.

Это четыре основных достаточно хорошо известных закона, содержание которых кратко изложено в следующем образе:

- закон физической неразрывности исторического геополитического пространства с географической средой планеты Земля как местом ее зарождения и существования, тесного и разнообразного взаимодействия со всеми составляющими ее компонентами;

- закон исторической обусловленности единства данного пространства;

- закон непрерывности процесса его развития в территории

важном и хронометрическом измерениях со времени зарождения и вплоть до современности;

- закон постоянства проявления пространственно-временной неравномерности любых из протекающих в нем внутренних процессов⁸⁶.

Объективное существование этих законов является основой объективного условия и обоснованием использования петроэологического анализа в политологических исследованиях.

Более того совокупность данных установок обуславливает системную сущность исторического анализа. Иначе говоря, исторический анализ в геополитико-методологическом плане должен проводиться опираясь на преимущественно системного подхода.

⁸⁵ Примером может служить Иерусалим, где находятся святые места. Примечание: кувальтовые объекты, поля сражений, места географических первооткрытий, обнаруженных судьями-политическими декларациями, возведения грандиозных оборонительных сооружений, погребения выдающихся деятелей политики, массовых захоронений, связанных с теми или иными политическими событиями. Однако многие подобные территории были и остаются предметом притязаний сразу нескольких государств. Это одно из следствий бурных исторических событий⁸⁵.

⁸⁶ Шведов В.Г. Историческая география: обзор становления, теоретические основы, практика: монография. Владивосток: Дальнаука, 2006. 259 с.

По-другому и быть не может, т.к. любая территориальная реальность существует только в виде систем. А историческое геополитическое пространство, которое состоит из определённым образом упорядоченного сочетания специфических территориальных явлений, безусловно, реально. Это доказывается следующими объективными фактами:

– оно, несомненно, всегда представляло собой современную политико-географическую данность на любой временной точке своего существования;

– его реальность выражается способностью к воспроизводству. Другими словами, аккумулирует в себе абсолютно все материализованные на земной поверхности результаты существования предшествовавших ему материнских форм – начиная с наиболее ранних и заканчивая самыми поздними.

Применение системного анализа позволяет видеть в историческом геополитическом пространстве сложное динамичное образование, в котором можно выделить несколько уровней пространственно-временной упорядоченности. Он же является основным инструментом описания этих уровней с помощью специальной терминологии.

В свою очередь, это его «качество» позволяет разрабатывать ретроспективные модельные построения политико-географической организации различных человеческих сообществ, каждая из которых обладает конкретными территориально-хронологическими координатами и пригодна для тематического использования и интерпретации различного рода фактологии и остаётся открытой для коррекции.

Вместе с тем системный анализ позволяет оперировать качественными характеристиками явлений, которые, благодаря своей абстрактности, достаточно гибки и не предполагают обязательного использования математического инструментария.

Данный момент представляется очень важным, т.к. из-за хронической нехватки количественных показателей, территориальные реалии прошлого во многих случаях не могут быть «переведены на язык» логических формул или каких-либо алгоритмов. Тем не менее, это вовсе не означает, что они не подлежат воспроизводству и изучению.

Поэтому номенклатура методов исторического подхода очень разнообразна и обусловлена необходимостью оперировать материалами как общественных, так и естественных наук. Кроме того, следует особо подчеркнуть, что все методы и способы геополитического исследования преследуют одну цель, которая заключается в

Геоэологические основы исследования транспортности...

реконструкции пространственной локализации геологических
сил и межгосударственных отношений прошлого по ярковыражен-

ным хронологическим срезам⁸⁷.

В числе базовых методов, составляющих каркас историческо-

го исследования, необходимо назвать следующие:

– собственно исторический, т.е. метод работы с фактологиче-

ским материалом. Относится к числу важнейших, поскольку его
использование наиболее полно характеризует процесс изменения
геологического пространства. Снабжает проводимое исследова-

ние необходимой базой данных;

– интерпретационный – придает собранной фактологии тема-

тическое толкование;

– реконструктивный – позволяет с помощью имеющихся дан-

ных и логических построений восстанавливать ныне не сущест-

вующие повитико-территориальные объекты и процессы;

– исторического среза – предполагает их изучение и изучение
связей между ними в их временном развитии;

– хорового среза – обеспечивает видение повитических яв-

лений в их территориальном выражении во всем его многообра-

зии – начиная от координатного и параметрического и заканчи-

вая созданием определенного, геоэологически воспринимаемого
образа;

– сравнительный – служит для сопоставления однотипных яв-

лений с целью выявления определенных тенденций, закономерно-

стей, формулирование обобщений и выводов;

– топонимический – изучение топонимов и нарицательных гео-

графических терминов позволяет восстанавливать особенности рассе-

ления населения и как следствие этого распространения влияния
отдельных государств в прошлых исторических эпохах⁸⁸;

– картографический – метод предполагает изучение, а иногда
и непосредственное создание карт, отображающих во всем много-

образии ситуации, сложившуюся в результате взаимодействия че-
ловеческого общества и конкретной части геопространства, а так-
же показывающих настоящее, прошлое и будущее состояние при-

родной территории. По мнению В.М. Массона, реконструкция является основным ме-

тодом любого исследования, имеющего своей целью выявление особенно-

стей исторического развития какого-либо явления или процесса [Мас-

сон В.М. Историческая реконструкция в археологии. Самара: Изд-во

ИИАЦ, 1996. 102 с.].

⁸⁸ Топонимика «закрепляет» в названных географических объектах

особенности завоевания и колонизации конкретной территории в про-

шлом.

родной среды, структуру, динамику и функционирование сложных политико-территориальных систем⁸⁹;

– историческая политико-географическая периодизация – суть этого метода заключается в «напластовании» тех территориальных данностей, которые некогда являлись современными, но затем отступили в ретроспективное хроноизмерение;

– территориально-политическое районирование – значение данного метода трудно переоценить. Его применение позволяет подвести итоги знаниям о состоянии территориально-политической организации общества, геополитическом потенциале субъектов политической деятельности прошлых эпох;

– выборочно-статистический – даёт возможность (если таковая имеется) задействовать математически формализованные методы;

– структурно-функциональный – заключается в рассмотрении исторических политико-территориальных явлений как специфических систем, в основе образования и существования которых находится определённым образом организованная система взаимосвязанных функциональных элементов конкретного назначения;

– действенный – изучает результаты влияния деятельности социумов и индивидуумов на формирование исторического политико-территориального пространства;

– поведенческий – тесно связан с предыдущим, т.к. «вводит» в него объяснение конкретных действий деятельностных субъектов;

– институциональный – отражает роль и значение различных социальных институтов в развитии территориально-политических процессов;

– ценностный – позволяет дать оценку тем или иным событиям.

Таким образом, главная цель исторического подхода в изучении территориальных систем различных иерархических уровней, в том числе и трансграничных, состоит в том, чтобы, используя весь доступный методический аппарат исторической и географической наук, политологии и геополитики, реконструировать прошлое состояние социальных и природных территориальных систем.

В основании обозначенной реконструкции должны лежать строго учтённые факты конкретного исторического времени, топо-

⁸⁹ Метод создаёт визуальную, пространственно ориентированную картину восстановленных политико-географических реалий. Благодаря ему возможно обобщить всю имеющуюся в наличии информацию с точной территориальной привязкой и в форме, наиболее приемлемой для сопоставления и анализа. Этим самым обеспечивается преемственность всех этапов исследования и реализуется возможность представления результатов в наиболее предпочтительном для практического использования виде.

хронологии развёртывания любого процесса как такового. Можно с уверенностью утверждать, что трансграничности не характерна статичность.

Трансграничное взаимодействие (чаще используется термин «трансграничное сотрудничество») представляет собой процесс интеграции приграничных территорий различных стран по различного рода вопросам (военным, экономическим, культурным, политическим и т.д.). В основу этого процесса заложен фактор модернизации указанных территорий, по своей сути являющихся периферийными образованиями соседствующих государств.

Трансграничное взаимодействие формирует предпосылки образования трансграничного региона. Но время от времени формируется такой характер трансграничного взаимодействия, при котором основные усилия направлены на преодоление состояния трансграничности.

В нашем понимании, трансграничная территория – это устойчивое во времени территориальное образование, отличающееся от других характерным типом хозяйственного освоения и совокупностью взаимодействующих между собой природных, социальных и экономических подсистем, связанных единством реализующихся в их пределах природных, экономических, социокультурных факторов при обязательном наличии в его структуре государственной границы.

Представляя собой совокупность сопредельных пограничных территорий государств, находящихся в определённых отношениях (связях), она образует единую пространственно-территориальную систему.

Трансграничная территория, как и любая другая, подвержена различным изменениям с течением времени собственного развития. При этом могут меняться/ трансформироваться такие её характеристики, как уровень проницаемости государственной границы⁹³, внешние границы трансграничной территории, её внутренняя структура, характер и разновидности межэлементных связей внутри неё и т.п. При этом изменение внутренней структуры трансграничной территории (как правило, изменение функциональных особенностей структурных элементов) также можно отнести к состоянию своеобразного «перехода» к новой структуре, что, кстати, носит закономерный характер.

⁹³ Так, например, степень проницаемости государственной границы между Северо-Восточным Китаем и Приамурьем в конце XIX – начале XX вв. был крайне высок. Однако уже к середине XX века данный участок границы находился под жесточайшим контролем.

Косов Ю. В. определил фундаментом трансконтинентального сотрудничества исторические традиции и региональные связи, складывавшиеся на протяжении столетий. Приобретая богатый опыт соседнего исторического развития, страны мира в определённые периоды времени объединялись (наследственно или добровольно) в рамках единого государства (например страны Батии, Евросоюз). При этом подобные союзы активно опирались на накопленные традиции взаимодействия, преодолевая негативные исторические стереотипы, сложившиеся в двухсторонних и многосторонних отношениях⁹⁴.

Приведём примеры, подтверждающие подобные расщепления. Наиболее яркие из них, безусловно, относятся к Европейскому Союзу⁹⁵.

Так, формирование Базельского трансконтинентального района, одного из самых развитых в мире, связано с историей города и его географическим положением. Лительное время рост Базеля в южном направлении сдерживали скалы Юры, в северном и западном направлении Швейцарии. В послевоенный период быстрое промышленное развитие и либерализация таможенного режима способствовали расширению автомобильной промышленности и за пределы национальной территории. Район общей численностью населения свыше 500 тысяч человек включает в себя 5 швейцарских, 5 французских и 13 германских коммун.

Развитию Женевского трансконтинентального района способствовала морфология границы Швейцарии. Кантон Женева вошла в состав конфедерации в 1815 году. До этого Женевская республика была отрезана от своих швейцарских союзников участком территории Франции. С того времени образовавшийся на ее основе кантон связан с основной частью страны узким (ширина отдельных участков не превышает 2 км) коридором Бернуа. Этот район включает в себя пять кантонов Швейцарии, семь департаментов Франции и итальянскую область Вале-д'Аоста⁹⁶.

⁹⁴ Косов Ю. В. Трансконтинентальное сотрудничество: северозапад России // Политические исследования. 2003. № 5. С. 146.
⁹⁵ В настоящее время, помимо обозначенных, там выделяются следующие трансконтинентальные районы: Альп-Хассельт-Маастрихт-Аахен (Бельгия, Нидерланды, ФРГ); Тельдерланд-Вестмонстерланд (Нидерланды-ФРГ); Лондондерри-Донегал (Ирландия, Великобритания), Саар-Северный Люксембург-Северная Лотарингия (ФРГ-Люксембург-Франция); Ломард-Эмбурги-Северная Франция (ФРГ-Люксембург-Франция).
⁹⁶ Косов Ю. В. Геоэология и политическая география / В. А. Косов, Н. С. Мироненко. М.: Аспект Пресс, 2005. С. 359.

Цепь трансграничных районов Северной Америки исторически сформировалась по оси «север-юг». Большинство природных районов региона протянуты не в широтном, а в меридиональном направлении (Атлантическое и Тихоокеанское побережья, Скалистые горы, Каскадные горы, горы Аппалачи, плато Великие равнины и др.), что, в свою очередь, оказывает влияние на характер освоения природных ресурсов и общехозяйственную деятельность⁹⁷.

На Атлантическом побережье, согласно Парижскому мирному договору 1763 г., огромные территории, прежде принадлежавшие Франции, перешли под власть Великобритании и вместе с ранее существовавшими британскими колониями образовали огромный массив в составе нынешнего Квебека, Атлантической Канады и прибрежных американских штатов вплоть до Джорджии. Даже после провозглашения в 1776 г. Декларации независимости эти регионы продолжали в массовом порядке принимать однотипные волны переселенцев из Европы, что способствовало созданию и последующему поддержанию трансграничных американо-канадских связей на межэтнической основе⁹⁸. В результате, в регионе были выделены четыре трансграничных района:

- Запад (Британская Колумбия, Альберта и американские штаты Вашингтон, Айдахо, Орегон, Монтана, и в некоторых случаях - Юкон наряду с Аляской);
- Степной район - Великие равнины (Альберта, Саскачеван, Манитоба, Монтана, Вайоминг, Северная Дакота, Южная Дакота, Миннесота);
- Великие озёра - Хартленд в составе Онтарио, Мичигана, Индианы и Огайо;
- Восток (географический регион, простирающийся от Атлантического побережья до Великих озёр и включающий в себя Атлан-

⁹⁷ Например, лесозаготовки и деревообработка развиты на Тихоокеанском побережье Северной Америки (в канадской Британской Колумбии и американских штатах Вашингтон и Орегон), а также в Квебеке и Вермонте; скотоводство и мясомолочная промышленность процветают на Западе в районе плато Великих равнин; рыболовство на обоих побережьях - Тихоокеанском и Атлантическом.

⁹⁸ На Тихоокеанском побережье США и Англия до 1846 г. (когда две страны завершили затянувшийся спор о границе между Соединёнными Штатами и английской Канадой, проведя разделительную линию по 49-й параллели) совместно контролировали торговлю (мехом) на спорной территории Орегон, в которую входили части современной Британской Колумбии, штатов Вашингтон и Орегон [Комкова Е.Г. Канадские провинции, американские штаты, трансграничные регионы // США-Канада. Экономика, политика, культура. 2007. № 2. С. 85].

Техские провинции Канады, Квебек, штаты американской Новой Англии – Мэн, Нью-Хэмпшир, Вермонт, Массачусетс, Коннектикут, Кол-Айленд и штат Нью-Йорк)⁹⁹.

Северо-Восточная Азия в течение длительного времени не воспринималась как самостоятельный трансконтинентальный регион. Это была образ Тетра Inconita, периферия Беавикой Татари, практиче-ски не исследованной, и в силу подобного рода обстоятельств образ зависимый, производный от географических образцов Европы, ев-ропейской цивилизации и России. Однако строительство Транс-сибирской железной дороги и маэстриави в конце XIX – начале XX вв. кардинальным образом изменило ситуацию¹⁰⁰.

Несомненным представляется тот факт, что географический образ российской Северо-Восточной Азии долгое время (XVIII–XIX вв.) не мог быть вычленен, структурирован, в силу как сабой географической изученности этого региона, так и безусловной аморф-ности самого образно-географического контекста. В рамках дина-мики образа России это была дальняя окраина Сибири¹⁰¹.

Геополитическая ситуация, сложившаяся на Дальнем Востоке к концу XIX – началу XX вв., стала мощным фактором формирова-ния единого образа Северо-Восточной Азии. В итоге, ядро poste-пенно складывавшегося в начале XX века единого географического образа региона формировалось в результате взаимодействия в по-литической и экономической сферах таких держав, как Япония, Россия и Китай.

Географический образ Северо-Восточной Азии изначально формировался по преимуществу как однородный в содержатель-ном плане, включающий упорядоченные и структурированные представления о территории как некоей дикой, варварской «окра-ине» христианской и в то же время китайской цивилизации. Вследствие этого Северо-Восточная Азия сравнительно долгое время рассматривалась как фрагмент континентальной Внутрен-ней Азии, замкнутой на саму себя в эволюционно-пространствен-

⁹⁹ Комкова Е. Г. Канадские провинции, американские штаты, транс-континентальные регионы // США-Канада. Экономика, политика, культура. 2007. № 2. С. 87.

¹⁰⁰ Впервые появлялась возможность создать, сконструировать, «изо-бразить» единый географический образ России, не распаляющийся на со-вершенно различные «полюсники» Европейской и Азиатской России [За-метки Д. Н. АТР и Северо-восток России: проблемы формирования геогра-фических образцов трансконтинентальных регионов в XXI веке // Восток. Афро-азиатские исследования: история и современность. 2004. № 1. С. 144].

¹⁰¹ Исаева М. В. Представление о мире и государстве в Китае в III–VI веках н. э. М.: ИВ РАН, 2000.

ном развитии. Политические территориальные разграничения между Россией (СССР), Японией, Китаем и США, проводившиеся в этом регионе в течение XIX–XX вв., не внесли и не могли внести ясность в этот вопрос, поскольку в значительной мере были продуктом более масштабных политических решений, ориентированных на европоцентристскую модель мира. Именно с помощью таких подходов решался политический вопрос о разграничении Приамурья и Приморья в XIX веке, государственной принадлежности Курильских островов и Сахалина в первой половине XX века¹⁰².

Даже такой краткий исторический анализ формирования ряда трансграничных территорий позволяет утверждать, что более глубокое разделение труда и, как следствие, ведущая специализация территорий, открытие границ для свободного передвижения товарных, людских и др. ресурсов вызвали усиление конкуренции между соседствующими территориями. Районы, расположенные по обе стороны границ, получили возможность сообща использовать свой потенциал и преимущество качественно нового географического положения в едином экономико-политическом пространстве.

При всём при этом очевидно, что трансграничное взаимодействие не всегда ассоциируется с «мирной жизнью» (торговля, туризм, культурный обмен). История богата примерами межгосударственных противостояний, вызванных отстаиванием собственных национальных интересов. Данная разновидность взаимодействия способна проявляться в различных формах: ведение боевых действий между государствами; использование территории других государств для расположения собственной военной инфраструктуры (военных частей, складов и т.п.); проведение миротворческих операций с опорой на прилегающие территории соседних стран и т.п.

Одним из таких примеров явилось трансграничное взаимодействие юга российского Дальнего Востока и территории Северо-Восточного Китая (Маньчжурии) в годы Гражданской войны (1918–1922 гг.).

¹⁰² Наряду с этим трансграничный регион, интерпретируемый в каких-либо политических или культурных традициях, может охватывать территориально различные части России, Китая, Японии, Кореи, Монголии, США и, возможно, других стран. При этом более важным аспектом в формировании структуры региона является использование природных, хозяйственных, культурных, цивилизационных, политических переходов, так или иначе фиксируемых всё многообразие векторов трансграничности [Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. М.: МОНФ, 1997; Русские Курилы: история и современность: сб. документов по истории формирования русско-японской и советско-японской границы. М.: Алгоритм, 2002.].

Дальний Восток, находясь в обстановке военного времени при максимальной оторванности от центральных районов страны, испытывала острую, а порой и критическую нехватку продовольственных и промышленных товаров. Эту потребность компенсировали поставки из соседних территорий. Особое место в этом списке занимала Маньчжурия. Она являлась основным поставщиком сырья и товаров различных групп по причине географической близости двух территорий; развитых торгово-обменных отношений, полученных бурное развитие в мирное время.

Несмотря на то, что два указанных поранничных порстранства¹⁰³ (Маньчжурия и юг российского Дальнего Востока) были разлевлены государственной российско-китайской границей, развитие связей между ними способствовали существовавшие на то время и совместно строящиеся объекты инфраструктуры (КВЖД¹⁰⁴, г. Харбин, ст. Маньчжурия, ст. Поранничная и др.). Помимо исклучительно возведенных объектов в связях этих территорий была активно задействованы и заемлены природной среды – р. Амур и его притоки (Сунгари, Аргунь, Шивака), оз. Ханка.

Благоприятные природно-климатические условия Маньчжурии позволяли местным жителям активно заниматься сельскохоззяйственной деятельностью¹⁰⁵, которая соединяла в себе развитое земледелие и примитивные формы кустарного производства (пря-

¹⁰³ Термин используется для характеристики социально-географической зоны вдоль границы или вокруг пункта в глубине территории страны, в пределах которой наблюдаются поранничные процессы и явления. Они связаны с интересами соседних стран и взаимодействием между ними политическими, социально-экономическими, культурными, правовыми системами [Коловцов В.А. Геополитика и политическая география / В.А. Коловцов, Н.С. Мироненко. М.: Аспект Пресс, 2005. С. 364].

¹⁰⁴ Дорога строилась, прежде всего, как стратегический объект, который должен был, во-первых, выработать роль связующего звена дальневосточных окраин и центральных областей России, во-вторых, усилить оборону Китая от японской агрессии. Однако на КВЖД возлагалась еще одна функция – увенчание товарообмена между Россией и Китаем [Манова Г.Н. Экономические позиции России и Японии в Маньчжурии и на Дальнем Востоке в конце XIX в. // Экспансия Японии на Дальнем Востоке. Конец XIX – первая треть XX в. / под ред. А.И. Крушина. Владивосток: Дальнаука, 1990. С. 42].

¹⁰⁵ Данный факт подтверждается цифрами: объем занимаемых посевных площадей в то время достигал 33,6%, меньший процент занимало скотоводство и горное дело. Среди зерновых культур, возделывавшихся в Маньчжурии, лидирующие позиции занимали просо, бобовые (прежде всего то соя), пшеница, ячмень, овес и кукуруза, а также рис и гречка. В западных районах население занималось животноводством и птицеводством.

дение, ткачество, изготовление изделий домашнего обихода и инвентаря)¹⁰⁶.

Добывающая и обрабатывающая промышленности были развиты слабо. Цинское правительство не поощряло, а порой запрещало разработку месторождений золота, руд, каменного угля¹⁰⁷. Их добыча считалась прерогативой государства и передавалась частным лицам на обременительных условиях.

Расширение внешнеэкономических связей превратило некоторые отрасли Маньчжурии, ранее ориентированные лишь на внутренний рынок, в экспортные, это касается прежде всего маслоделия и производства муки. Позднее двойку лидеров замкнуло свеклосахарное производство¹⁰⁸.

В чрезвычайных условиях, вызванных войной, потребности дальневосточных территорий в продовольствии, и особенно в хлебе, очень возросли. При этом рынки сбыта не ограничивались только этой территорией. Продукцию вывозили на Корейский п-ов, в Японию, а также на территорию Забайкалья и далее в европейскую часть России¹⁰⁹.

Используя своё удобное географическое положение, северо-восточная территория Китая стала для российского Дальнего Востока основным поставщиком продовольствия. До середины 1917 г. из Маньчжурии на территорию Дальнего Востока ежегодно ввозилось примерно 96 тыс. тонн хлеба. Динамику объёмов перевозок муки наглядно демонстрируют цифры табл. 2.

Китайскую торговлю поддерживали такие маньчжурские фирмы, как Ин Тай-хана, Сун Тай-хана, Ши И-тана и др., а в число

¹⁰⁶ Своё развитие получило и производство предметов первой необходимости, хлопчатобумажное, бумажное, гончарное, кирпичное, фарфоровое, мыловаренное, свечное, кузнечное производство.

¹⁰⁷ С 1889 г. велась добыча на медном руднике Тяньбаошань, а с 1890 г. началась разработка серебряно-свинцовой руды в острогах хр. Чаньбаошань. Железная руда добывалась и перерабатывалась вблизи Гирина и Саньсине [Патрушева М.А. Экономическое развитие Маньчжурии (вторая половина XIX в. – первая треть XX в.). М.: Наука, 1985. С. 42].

¹⁰⁸ Российское направление китайского экспорта стало основным. Однако товарная структура имела тенденцию к изменению. В начале XX в. главными статьями китайского экспорта являлись ткани, одежда, руды, цемент, а также галантерейные, бакалейные и писчебумажные товары. Из России вывозили металл и металлические изделия, керосин, уголь, лес, пушнину, морепродукты, лекарственное сырьё. Постепенно доля экспорта продовольственных товаров из Китая заняла ведущие позиции.

¹⁰⁹ Помимо сельскохозяйственной Маньчжурия активно торговала и животноводческой продукцией. Объём ежегодных поставок мяса, например до середины 1917 г., составлял более 24 тыс. тонн.

крупно
Фу-гуа
льнны
Э. Ги
цы тор
Кунст

Год
1917
1918
1919
1920

И
журни
XI науч

Н
вых о
фрастр
тивнос
торгов
можно
дожда
как и с

11
атский
ток и о
мощно
начале
роль св
рога об
ску вос
каналом
твержд
лись ме
ска (ста
11
всех во

110 Совместно с Транссибом эта дорога «составила единый трансазиатский путь, позволявший доставлять грузы из Европы на Дальний Восток и обратно в 3-4 раза быстрее, чем морем» [Каасова борьба и революционные выступления на Дальнем Востоке во второй половине XIX - начале XX в. Вадлиновосток: Изд-во ДВО АН СССР, 1988. С. 117]. Выплавная роль связующего звена между китайской и российской территориями, до сих пор обеспечивавшая в максимальные сроки оперативную переброску военных, материальных и человеческих ресурсов; важная прочная канавка связи между военными отрядами. Указанное находит свое подтверждение в том факте, что на всех узловых станциях дороги находились многочисленные отряды бевардских, американских и японских сил (станции Маньчжурия и Ляоханьчунь; города - Харбин и Чаньчунь).

111 Романов Г. Н. Экономические отношения России и Китая на Дальнем Востоке (XIX в. - начало XX в.). М.: Наука, 1987. С. 64.

Несмотря на активное использование в осуществлении торговых операций линии КВЖД¹¹⁰, фактор слабой транспортной инфраструктуры (отсутствие хороших грунтовых дорог, низкая активность передвижения по территории Маньчжурии было возможно в основном осенью и зимой, т.к. весна и лето с обильными дождями и разливами рек являлись настоящим бичом торговли, как и связи отдаленных территорий Маньчжурии между собой¹¹¹.

Источники: Сухачева Г. А. Рост мануфактурного производства Маньчжурии в 1914-1924 гг. // Общество и государство в Китае: материалы XI научной конференции АН СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1980. С. 198.

Годы	Всего, тыс. тонн	Объем экспорта, тыс. тонн	Объем местного транзита, тыс. тонн
1917	82,9	57,6	25,2
1918	75,3	46,5	28,8
1919	104,8	65,4	39,5
1920	127,6	86,8	40,8

Динамика объема перевозок муки

Таблица 2

«Кунст и Альберс» и др. крупнейших мукомольных предприятий входили Сон Хо-шинь, Ван Фу-гуан, Гуан Син, Ань Юй, И Чан-тай и др. Среди наиболее активных торговых центров Маньчжурии особенно выделялись Ашинь, Лирин, Мукаден, Ципикар и Чжэнцзягуань. По ту сторону границы торговая осуществляемая такие фирмы, как «И. Я. Чурин и Ко»,

Гносеологические основы исследования транснациональности...

Пограничная сухопутная беспошлинная китайско-российская торговля велась:

- в Амурской области через Благовещенск и находившиеся у границы Маньчжурии г. Айгунь и дер. Сахалянъ;
- в Забайкалье по р. Аргунь через караулы Абагатуевский, Старо- и Ново-Цурухайтуские;
- в Приморской области – через заставы Полтавская, Ханьчуньская и Верхне-Мангутайская¹¹².

24 декабря 1917 г. пекинское правительство под давлением союзников издало распоряжение о запрещении товарного экспорта. В первую очередь это коснулось поставок муки из Китая на территорию России. В результате, резко упала роль транзитных операций на маршрутах Северная Маньчжурия – Владивосток – центральные районы России – Европа и Приморье – Северная Маньчжурия – Забайкалье.

Подобная «блокада» спровоцировала целый шлейф негативных последствий, а именно: резко возросли цены на сельскохозяйственную продукцию, которая теперь вывозилась только с разрешения консульского корпуса через Дайрен и Порт-Артур; в Николаевске-на-Амуре, например, даже были введены карточки на муку, хлеб, сахар, масло и керосин. Безработица портового персонала, расцвет спекулянтства, возникновение реальной угрозы голода из-за острой нехватки продовольствия дали толчок широкому размаху контрабандной торговли, а также такой специфической формы бандитизма, как хунхузничество¹¹³.

Длинная по протяжённости линия российско-китайской границы, по существу оставшаяся без надзора; обилие малозаселённых, пустынных и труднодоступных участков с редким населением; прекращение деятельности таможенных служб как с китай-

¹¹² Романов Г.Н. Взаимовлияние российско-китайских экономических отношений на рубеже XIX–XX вв. на развитие хозяйств российского Дальнего Востока и северо-восточного Китая // Дальний Восток России в контексте мировой истории: от прошлого к будущему: материалы международной научной конференции 18–20 июня 1996 г. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 1997. С. 124.

¹¹³ Бойко-Павлов Д.И. Так было на Дальнем Востоке / Д.И. Бойко-Павлов, Е.П. Сидорчук. М.: Мысль, 1964. С. 190–191; История внешней политики СССР. 1917–1985 гг. / под ред. А.А. Громько, Б.Н. Пономарёва. М.: Наука, 1986. Т. 1. С. 147; Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений СССР с Китаем (1917–1974). М.: Наука, 1977. С. 31–32; Сухачева Г.А. Хунхузы в России // Россия и АТР. 1996. № 4.; Сухачева Г.А. «Бич страны». Хунхузы в Маньчжурии и Приморье в 20-е гг. XX в. // Россия и АТР. 1992. № 1.

ской, так и с российской стороны — суживая багродатной почвой для действия банд.¹¹⁴

Получаясь сложной и напряжённой обстановкой военного времени, банды хунхузов беспрепятственно пересекали государственную границу, совершали опустошительные набеги на приграничные посёлки и торговые караваны, грабили прииски, участвовали в боевых действиях совместно с китайскими войсками и войсками интервентов. От налётов банд сильно страдало судоходство и перевозка товаров на Сунгари. Китайские контрабандисты использовали ли просёлочные дороги и тропы, а также отдалённые участки вдовья российско-китайской границы: Кумара-Шимановская, Иман-Хуань, Потавка-Саньчалоу, Хунчун-Лосвет.

Несмотря на очевидные негативные отёнок факта прощепатания контрабандной торговли, она же способствовала быстрому росту китайских приграничных городов и посёлений. Импульсы развития получали такие из них, как Сахаян (Хэйхэ), Хуань, Фучунь, Лахасу (Чжавадунь), а также станции, расположенные на и вдовья линии КВЖД — Маньчжурия, Пограничная, Саньчалоу, Хунчун, Мипань (Дуньянь).¹¹⁵

Конъюнктура военного времени привела к увеличению транзита через Северо-Восточный Китай по линии КВЖД и военных товаров (оружие, обмундирование и т.п.) сначала для армий царского и временного правительства, а потом и для отрядов белых и интервентов. В середине 1918 г. китайское правительство и Япония обменялись нотами о военном сотрудничестве. В соответствии с этими документами Япония ввела свои войска в Северную Маньчжурцию, получала контроль над руководством китайскими войсками и право на использование КВЖД для военных перевозок.¹¹⁶ Китайское правительство согласилось на ввод в северную часть Маньчжурии 60 тыс. чел. японской армии и на пропуск через неё японской квантуньской армии, действовавшей в Порт-Артуре независимо от союзных войск. Китайская сторона взяла на себя охрану тыловых коммуникаций японских войск на территории Маньчжурии, обеспеч-

¹¹⁴ Китайская газета «И-шибао» сообщила, что с июня 1920 г. в пограничных районах японцы организовали 27 рот хунхузов. В период 1921-1925 гг. общая численность бандформирований хунхузов достигла 100 тыс. чел. [Приоршевич С.С. Американская и японская интервенция на советском Дальнем Востоке и её разгром (1918-1922 гг.). М.: ИИИВ, 1957. С. 117-18].

¹¹⁵ Саудковский М.И. История торгово-экономических отношений СССР с Китаем (1917-1974). М.: Наука, 1977. С. 32, 33.

¹¹⁶ Японской стороне было предоставлено право на строительство телефонных, телеграфных и железнодорожных линий, на поставки Китаю оружия и военных экспертов, на военную разведку и составление карт территории Китая.

печение их свободного продвижения по Сунгари и Амуру, предоставление плавсредств и проводку их по фарватеру, обязанность предоставлять КВЖД для перевозки японских войск, снабжение их продовольствием¹¹⁷.

Помимо развития торговли, совместного использования объектов инфраструктуры по окончании войны данная территория выполнила и роль своеобразной «принимающей стороны»: доля мигрантов, прибывших в Маньчжурию, возросла в разы¹¹⁸. Своё пристанище здесь нашли и бывшие военные командиры белых.

Однако на этом трансграничное взаимодействие двух пограничных территорий не закончилось, а получило продолжение в 1924 г. (заключение советско-китайского соглашения о дружбе и торговле); 1925–1928 гг. (систематические налёты китайских милитаристов на пограничные советские отряды, приграничные города и посёлки) 1929 г. (советско-китайский вооружённый конфликт на КВЖД); 1931 г. (захват Японией Маньчжурии)¹¹⁹. Русские, в свою

¹¹⁷ После революции 1911 г. официальное правительство находилось в Пекине и носило исключительно номинальный характер. Внутриполитическое положение было очень запутанным: после смерти Юань Ши-Кая (1916 г.) политическая и военная власть полностью перешла в руки многочисленных военно-феодалов клик военных генералов (дуцзюней). В стране фактически существовали два правительства: северных (бэйянских) милитаристов в Пекине и Сунь Ятсена в Гуанчжоу. Наиболее мощными их группировками являлись: мукденская, чжилийская, анхуйская, красные китайские партизаны и др. Северным милитаристам противостояли юго-западные – гуансийская и юньнаньская клики. Милитаристские группы проводили самостоятельную внешнюю политику, ведя переговоры с представителями иностранных государств. Они, в свою очередь, предоставляли займы и оказывали военную поддержку, иногда двум и более кликам, являющимся соперниками, ставили тем самым их в определённую зависимость, требуя всё новые уступки и привилегии для проведения своей территориальной и экономической экспансии [Аварин В. Империализм в Маньчжурии. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1934. Т. 1. С. 75.].

¹¹⁸ Например, только в 1920 г. в Маньчжурию перебралось более 30 тыс. белогвардейцев.

¹¹⁹ Уже в 1930 г. для нужд японской промышленности в Маньчжурии было добыто 3,8 млн тонн угля, 1,5 млн тонн горючих сланцев, 0,8 млн тонн железной руды, 6 тонн золота. Особый размах получило железнодорожное строительство (более 1000 км железнодорожных путей и 22000 км грунтовых дорог). Было построено 50 аэродромов и авиационных баз, все они располагались от Мукдена круговой проекции, а также концентрировались в треугольнике Мукден – Харбин – Цицикар. 18 февраля 1931 г. Япония провозгласила «независимость Маньчжурии», в марте декларировала образование «Маньчжоу-Го», а в сентябре подписала т.н. японо-маньчжурский протокол, давший ей возможность безгранично держать власть в этом марионеточном государстве.

120 Подобные утверждения возможно отнести и к трансграничным процессам, изменяющимся во времени, а именно: как возникло это явление в истории; какие главные этапы в своём развитии оно прошло; что из себя представляет данное явление на сегодняшний момент.

Исторический взгляд на развитие трансграничного взаимодействия уместно показывать, что в любом, пусть самое сложное время, оно реализовывалось в условиях реальной политической практики, что настоятельно предполагает проведение политологического анализа трансграничности.

В-третьих, итогом исследования должны стать обоснованные соображения по поводу будущего развития процесса/явления¹²⁰. Анализ исторических изменений отдельного региона или всей планеты позволяет лучше понять сущность политических процессов в современном мире, без чего, конечно же, нельзя предсказать будущее.

Во-вторых, вторая задача исторического подхода – изучение и анализ стадий развития изучаемого феномена. Причём, исследование стадий развития изучаемого феномена. Причём, исследование стадий развития изучаемого феномена. Причём, исследование стадий развития изучаемого феномена.

Исторический подход – это та форма получения знания, которая способна давать ясное представление об эволюции расматриваемого феномена. Во-первых, он выступает в качестве своеобразного инструмента, позволяющего сравнительно определить происхождение того или иного процесса/явления.

Анализ форм проявления трансграничного взаимодействия российского Дальнего Востока и Северо-Восточного Китая (совместное использование природных объектов и объектов инфраструктуры; развитие торгово-обменных отношений; информационный обмен; общность политического процесса на территориях; миграционные процессы) наглядно свидетельствует о том, что трансграничность есть не что иное, как преодоление барьерных функций государственной границы. При этом различные виды подобного межгосударственного взаимодействия находят своё проявление не только в мирное, но и военное время, трансформируясь в различные формы, незначительные или контрастные формы.

Активизация внимания к феномену «трансграничность» и её значению на его фоне огромного количества транснациональных проблем заставляет исследователей обращаться к различным сферам знания и методам исследования.

Исторический подход – это та форма получения знания, которая способна давать ясное представление об эволюции расматриваемого феномена. Во-первых, он выступает в качестве своеобразного инструмента, позволяющего сравнительно определить происхождение того или иного процесса/явления.

Анализ форм проявления трансграничного взаимодействия российского Дальнего Востока и Северо-Восточного Китая (совместное использование природных объектов и объектов инфраструктуры; развитие торгово-обменных отношений; информационный обмен; общность политического процесса на территориях; миграционные процессы) наглядно свидетельствует о том, что трансграничность есть не что иное, как преодоление барьерных функций государственной границы. При этом различные виды подобного межгосударственного взаимодействия находят своё проявление не только в мирное, но и военное время, трансформируясь в различные формы, незначительные или контрастные формы.

Анализ форм проявления трансграничного взаимодействия российского Дальнего Востока и Северо-Восточного Китая (совместное использование природных объектов и объектов инфраструктуры; развитие торгово-обменных отношений; информационный обмен; общность политического процесса на территориях; миграционные процессы) наглядно свидетельствует о том, что трансграничность есть не что иное, как преодоление барьерных функций государственной границы. При этом различные виды подобного межгосударственного взаимодействия находят своё проявление не только в мирное, но и военное время, трансформируясь в различные формы, незначительные или контрастные формы.

¹²⁰ Исследования основаны на исследовании трансграничности...